

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое ЮЛЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Народное представительство или опричнина! — 2) Мнимыя государственныя пользы и дѣйствительное хищеніе казны и народнаго труда. — 3) Аресты въ Петербургѣ и Москвѣ. — 4) Къ положенію дѣлъ въ Россіи. — 5) Статистическое изслѣдованіе экономической жизни петербургскихъ рабочихъ, Ш. Григорьева. — 6) Письмо священника въ редакцію «Вольн. Слова», В. К—скаго. — 7) Отъ Редакціи. — 8) Слово правды о герцеговинскомъ возстаніи (письмо къ Редактору). — 9) Путейскія хищенія (Корресп. «Вольн. Слова»), П. Владимиrowa. — 10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, II: Радикалы и общинное самоуправленіе (окончаніе). — 11) Два конгресса социалистовъ. — 12) Изъ современныхъ российскихъ діалоговъ, Владимиrowa. — 13) Подозрительный гробъ, Я. — 14) Къ біографіи А. И. Желябова (окончаніе), М. Драгоманова. — 15) Известія и замѣтки: Картина правовъ петербургскаго обществѣ по даннымъ уголовной статистики; секвестръ измѣнъ; гр. Толстой и «охрана»; новый запрестительный циркуляръ.

ЖЕНЕВА, 1 іюля 1882 г.

Суженаго конемъ не объѣдешь! Пословица эта еще разъ подтвердилась на гр. Игнатъевѣ. Послѣ цѣлаго года борьбы съ «либерализмомъ», который въ Россіи давно уже сводится на требованіе созванія земскаго собора, гр. Игнатъевъ подалъ государю прозектъ созванія такого собора, — а его Тиртей, г. Ив. Аксаковъ, послѣ вызванія даже къ тѣни своего брата съ цѣлю заклясть мысль, по крайней мѣрѣ, о немедленномъ созваніи этого «представительнаго собранія», долженъ былъ очинить перо для доказательства пользы такого созыва и для опроверженія злостныхъ на сей счетъ подпусканий г. Каткова, прорицавшаго, что земскій соборъ въ Россіи будетъ предвѣстіемъ революціи, какъ собраніе Etats généraux было предвѣстіемъ революціи во Франціи. (Какъ будто Людовикъ XVI погибъ потому, что онъ созвалъ Etats généraux въ 1789 г., а не потому, что онъ не созвалъ ихъ раньше, и не потому, что не зналъ, кого ему слушаться: голоса ли страны, или придворныхъ тупицъ и хищниковъ!) Правда, соборъ гг. Игнатъева и Аксакова, говорятъ, предполагался очень ужъ самоубійный, такъ что онъ вышелъ бы больше Священнои Дружиной въ общирныхъ, — совсѣмъ уже пелѣныхъ, — размѣрахъ, нежели настоящимъ представительнымъ собраніемъ, но все таки самое

слово «земскій соборъ» было произнесено надъ ушами самодержца и при томъ не заправскими либералами, а авторомъ положенія объ «усиленной охранѣ». «Иллюзіи» гр. Игнатъева разлетѣлись, какъ и аргументы г. Аксакова; послѣдніе особенно побѣдоносно разгромили г. Катковъ, — и на ихъ развалинахъ воцарилось министерство гр. Дм. А. Толстого, при которомъ г. Катковъ становится въ роль уже не столько Тиртея, сколько Торквемады. И однако-жъ мы имѣемъ передъ глазами документъ, изъ котораго видно, что и душа-дѣвица г. Каткова обнимала внезапнаго милаго дружка души гр. Игнатъева и при томъ не только издали и пантомимами, какими ласкала сія страстно-бульварная нимфа британскій парламентъ, а весьма на-прямикъ: М. Н. Катковъ цѣловалъ тотъ же самый ликъ земскаго собора, который рисовали въ лучшія свои минуты аксаковицы и который онъ на дняхъ осыпалъ грязью и пасмѣшками.

Такъ какъ нынче г. Катковъ окончательно попалъ въ пророки, то мы и считаемъ полезнымъ привести нѣсколько выдержекъ изъ упомянутаго документа. Это редакціонная статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1863 г., мартъ, 469—506, — подъ заглавіемъ «Что намъ дѣлать съ Польшею»? Точною отправленіемъ для статьи послужило требованіе поликовъ и западныхъ державъ о введеніи въ Ц. Польскомъ, согласно акту Вѣнскаго конгресса, представительства правленія, которое существовало въ этомъ краѣ до 1831 г. «Русскій Вѣстникъ» всѣми силами возставалъ противъ мысли объ особомъ политическомъ положеніи Ц. Польскаго (хотя, замѣтите, признавалъ для него широчайшее административное самоуправленіе и неприкосновенность польскаго языка въ школахъ и законодательствѣ; см. «Р. В.», назв. №, 506, 468). Возставалъ онъ и противъ конституціи, какъ договора между монархомъ и страной. Но за то также горячо предлагалъ «Р. В.» для всей Россіи съ Ц. Польскимъ народное представительство, какъ выраженіе довѣрія между властью и населеніемъ. Вотъ слова Р. В.—ка.

«Пусть всякій русскій человѣкъ попробуетъ собрать свои мысли съ серіозною практическою цѣлю, пусть онъ поставитъ себя

посреди дѣйствительныхъ условій русской государственной жизни, — онъ разомъ почувствуетъ всю невозможность договорнаго начала въ русскихъ владѣніяхъ. Ему самъ собою уяснится единственно возможный характеръ народнаго представительства, возможнаго подъ скипетромъ Русскаго Царя. Оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ подтвержденіемъ, раскрытіемъ и оживленіемъ связи между верховною властію и народною жизнью. Съ одной стороны, оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ правильнымъ заявленіемъ дѣйствительныхъ потребностей, интересовъ и чувствованій страны передъ престоломъ; съ другой — ничѣмъ инымъ какъ лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ проводникомъ закона въ народную жизнь, лучшимъ, вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ блюстителемъ всѣхъ его отправленій. Представительство въ этомъ смыслѣ можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ правильно-организованнымъ сплосью общественнаго мнѣнія.

«Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени. Но сила эта можетъ хорошо дѣйствовать только тогда, когда она группируется вокругъ какой нибудь правильной и законной организаціи»...

«Коль скоро наступаетъ время, когда признается значеніе общественнаго мнѣнія, когда обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣній о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда пробуждаются и даже призываются къ дѣятельности общественныя силы, то ближайшею серіозною задачею должна быть какая нибудь правильная организація общественныхъ силъ, призываемыхъ къ дѣятельности. Безъ правильной организаціи образуется фальшивое и зловредное общественное мнѣніе, или лучше сказать, фальшивое подобіе его. Все что только есть дурнаго, безсмысленнаго и сумасброднаго въ обществѣ всплываетъ на верхъ и будетъ дѣйствовать, и дѣйствовать не безуспѣшно, не встрѣчая себѣ никакого отпора, отравляя и развращая беззащитную среду. Всякое громко сказанное мнѣніе можетъ вызвать послѣдствія совершенно несоответствующія истинному настроенію умовъ и расположенію интересовъ въ данныхъ обстоятельствахъ. Что такое общественное мнѣ-

прошение государю об увольнении его от должности товарища генерал-инспектора по инженерной части.... Подобные шикровки нередкость у нас и частенько практикуются между высшими лицами, собирающимися для разрешения важных государственных вопросов; так, напр., бывший военный министр, граф Милютин, излагая свой взгляд на меры, могущие парализовать развитие революционного движения в России, останавливается быть великим князем Владимиром Александровичем словами: «это уже слишком», генерал Милютин! Военный министр напомнил великому князю, что еще в прошлое царствование его называли графом Милутиным, а не генералом Милутиным, и с этими словами удалился из совѣта, а на другой день подав государю прошение об увольнении его от должности военного министра...

— Да, оборвать—это въ духѣ великаго князя Владимира Александровича, стижавшаго себя громкую ставу неподражаемаго героя въ разбитіи петербургскихъ татарскихъ ресторановъ; многихъ дѣльныхъ людей спугнетъ съ своихъ мѣстъ этотъ знаменитый въ своемъ родѣ герой.

— Я слышалъ, что ему передается отчасти и бразды правленія на время отсутствія государя, который съ 1-го мая переѣзжаетъ въ Петергофъ съ тѣмъ, чтобы на «Державѣ» ускользнуть со всею семьей въ Копенгагенъ; этотъ слухъ подтверждается и тѣмъ еще, что лагерные высочайшіе смотры начнутся со 2-го августа, тогда какъ въ прежнее время начинались съ іюня мѣсяца.

— Все это весьма печально слышать, сказать мой собесѣдникъ; какъ видно, намъ не дожидаться надлежащихъ реформъ, а всеобщее настроеніе дастъ чувствовать, что мы живемъ накануне всеобщаго взрыва; жизнь становится невозможною даже въ деревнѣ. По рассказамъ моего брата, помѣщика Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, прибывшаго недавно изъ деревни въ Петербургъ, онъ труситъ даже жить въ деревнѣ вслѣдствіе начинающихся тамъ волненій мужиковъ, которые поговариваютъ о равномъ раздѣлѣ помѣщичьей земли; а при арестованіи у насъ, говоритъ братъ, двухъ пропагандистовъ, многие мужики сочувствовали постигнутому ихъ несчастію и старались выгородить ихъ изъ бѣды; даже бабы на допросахъ давали почти единогласно ложные показанія: «была то, я была въ хатѣ, да онъ все говорилъ про святаго Филимона».

Затѣмъ, мы направили шаги въ судъ неправый, нескорый и неравный для всѣхъ, въ солдатскій судъ Александра III.

Владиміровъ.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГРОБЪ.

(Письмо съ дороги.)

Недавно я имѣлъ случай два раза проѣхать черезъ Вержболовскую таможену и даже былъ на ней однажды задержаннымъ полторы сутокъ.

Въ настоящее время, болѣе нежели когда нибудь, русскія таможи тѣмъ кромѣшпал: еврей-жертвы и еврей-эксплуататоры, чиновники-воры и чиновники-шпіоны и пр. и пр. Я слышkomъ возмущенъ всѣмъ, мпою видѣннымъ и испытаннымъ, чтобы рассказывать по порядку: я начну это только послѣ нѣсколькихъ дней отдыха. Сегодня я вамъ сообщу только одинъ эпизодъ, но за то какой эпизодъ?! дѣло о подозрительномъ гробѣ!

Мало кто изъ русскихъ знаетъ, что на Вержболовской таможнѣ существуетъ православная церковь съ специальною цѣлью принимать молитвы и покаяніе пограничныхъ жандармовъ, полицейскихъ, таможенниковъ и т. д. Хороши должны быть молитвы и хорошо покаяніе! При церкви, понятно, священ-

никъ, тоже съ специальною цѣлью, кромѣ служенія обѣдин, основательнаго исповѣданія гг. жандармовъ и т. д.

Одинъ изъ самыхъ щедрыхъ нашихъ благотворителей, человекъ, тратящій громадное состояніе на церкви, богодѣльни и проч., потерялъ недавно свою ближайшую родственницу, сестру или мать, не помню, уѣхавшую было на воды за границу. Онъ немедленно распорядился, чтобы гробъ былъ привезенъ въ Россію, чтобы быть поставленнымъ въ фамильномъ склепѣ; зная же, что гробъ будутъ везти черезъ Вержболовскую таможену и что тамъ есть православная церковь, онъ просилъ при провозѣ отслужить тамъ панихиду и послать въ даръ церкви образъ на значительную сумму. Что жъ вы думаете? Этотъ даръ заставилъ усумниться таможеннаго священника, жандармы же и компания и сомнѣвались не стали: они сразу поняли, что даръ присланъ для того, чтобы не обыскивали ни гроба, ни провожавшихъ его. О причинѣ — мнѣнія раздѣлились, одни гсворили: въ гробу скрыты люнекіе шелки на нѣсколько тысячъ рублей; другіе, похитрѣе, утѣряли, что гробъ наполненъ революціонными изданіями и содержитъ инструкціи заграничныхъ революціонеровъ дѣйствующимъ въ Россіи.

Какъ бы то ни было, но всѣ сообщивъ начали дѣйствовать. Гробъ поставили въ комнату подлѣ церкви, провожавшихъ окружили таможенные и полицейскіе, а священникъ предложилъ имъ признаться, что они скрыли въ гробу. Никакія утѣренія не помогли, и провожавшихъ — лицъ весьма почтенныхъ и чиновныхъ — раздѣли до нага, не нашли ничего запрещеннаго и оставили на стациіи, по когда нужно было отворить гробъ, то священникъ воспротивился; это, впрочемъ, мало бы помогло, еслибъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ полицейскихъ вдругъ не воскликнулъ: а что, если вмѣсто листовъ въ гробу динамитъ! Это по дѣйствовало: гробъ «изслѣдовали» только съ вышней стороны и съ соблюденіемъ предосторожностей, т. е., только ходили вокругъ и шохали его. Исторія эта продолжалась двое сутокъ, пока не пришло приказаніе изъ Петербурга — пропустить гробъ. Нужно было видѣть разочарованіе и горе таможенниковъ, жандармовъ и таможенно-жандармскаго священника!

Этотъ двухдневный переполохъ имѣлъ и свою хорошую форму. Гробъ до такой степени занялъ собою всѣ полицейско-таможенные головы, что онѣ почти не обращали вниманія на проѣзжихъ въ эти дни. Безнапортные во множествѣ переходили границу въ ту и въ эту сторону, платя только по 20 копѣекъ одному изъ блюстителей порядка.

Въ слѣдующій разъ расскажу больше.

Я.

КЪ БЮГРАФИИ А. И. ЖЕЛЪБОВА.

(Окончаніе).

Можно себя представить, какой, при вышеизложенной разногласицѣ политическихъ мыслей разныхъ группъ въ эмиграціи и въ Россіи и при манерѣ каждой изъ нихъ го-

ворить непременно за цѣлую «русскую социально-революционную партію», долженъ былъ образоваться у публики, особенно западной, туманъ понятій на счетъ настоящихъ стремленій русскихъ революціонеровъ вообще, и новой, наиболѣе активной фракціи ихъ въ особенности, и какъ этотъ туманъ былъ выгоденъ для русскаго правительства и реакціонеровъ въ Европѣ. Желябову и его ближайшимъ друзьямъ дѣлается величайшую честь то, что, при всѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ какихъ они жили, и при всей фактической оторванности отъ западной Европы, въ какой живетъ средній російскій дѣятель, — они все таки поняли настоятельную необходимость разсѣять этотъ туманъ передъ публикой не только въ Россіи, но и въ 3. Европѣ и пожелали имѣть вѣрнаго «комментатора» своихъ стремленій и дѣйствій въ этой послѣдней.

Но выборъ этаго «комментатора» въ нашемъ лицѣ былъ очень не удаченъ, — какъ это откровенно мы и заявили подателю письма Желябова.

Въ поясненіе словъ письма: «Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе въ Европѣ въ нашу пользу» — податель письма сказалъ намъ, что Ж — въ желалъ бы, чтобы мы писали на какихъ либо иностранныхъ языкахъ статьи о настоящихъ стремленіяхъ его группы, указывая на связь этихъ стремленій съ общеевропейскими идеями и обращая вниманіе на то, что въ настоящее время группа эта добивается того minimum'a человѣческихъ правъ, политической свободы, безъ которой ни одно европейское общество уже не можетъ представить себя своего существованія. Въ особенности просилъ податель письма Ж — ва противудѣйствовать приложенію къ его группѣ клички «пигмалистовъ», какъ невѣрной по существу, по своей сущности, такъ и отдѣляющей русское революціонное движеніе отъ всего цивилизованнаго міра.

Тутъ не мѣсто излагать подробно все содержаніе нашихъ разговоровъ съ подателемъ письма; мы скажемъ лишь ровно столько, сколько нужно для уясненія идей той среды, изъ какой вышло и это письмо и его податель. На предложеніе «склонять въ пользу русскихъ революціонеровъ общественное мнѣніе въ 3. Европѣ», мы отвѣчали указаніемъ на то, что и прежде, при всякой возможности, мы сообщали въ разныя изданія свѣдѣнія о положеніи Россіи и о ея революціонномъ движеніи, если не прямо въ пользу русскихъ революціонеровъ, то противъ ихъ врага, русскаго правительства *). Мы заявили, что впредь мы съ радостью готовы увеличить число такихъ сообщеній, если намъ доставлены будутъ матеріалы, особенно, напр., архивъ, о которомъ говорилось въ письмѣ. Но взять на себя специальную миссію посредника между какою бы то ни было русскою партіей и европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, мы

*) Какъ на послѣднее сообщеніе въ такомъ родѣ мы указывали на листокъ: «A l'opinion publique des peuples civilisés», изданный нами во время ареста г. Гартмана и перепечатанный множествомъ журналовъ Европы, Америки и колоній.

не могли, такъ какъ, оставивши даже въ сторонѣ крупныя теоретическія разногласія наши съ существующими русскими фракціями, мы ни къ какой русской партіи не принадлежимъ и, по нашей специальной работѣ для нашей украинской роины, и принадлежать не можемъ. Мы совѣтовали Ж—ву и друзьямъ его выступить передъ западно-европейскою публикою прямо, воспользовавшись какимъ либо случаемъ или статьями о дѣлахъ русскихъ въ заграничныхъ издѣліяхъ, — при чемъ можно было бы прямо и рѣшительно выступить и противъ клички: нигилисты и также рѣшительно устранить усердныя обзвѣты мало знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, откровенно поставивъ передъ разными партіями въ Европѣ, социалистическими, какъ и не социалистическими (само собою разумѣется, также какъ и передъ т. н. обществомъ и народомъ въ Россіи), ту политическую задачу, которая палочкою въ Россіи на активныхъ социалистовъ обоготворяется, въ какихъ находится эта страна, — и не смущаться, что эта задача дѣйствительно теперь оказывается болѣе либеральною, чѣмъ социалистическою въ з. европейскомъ смыслѣ, что она похожа на ту, которую выполнили либералы въ Англіи въ XVII в., во Франціи въ XVIII в., въ Германіи въ первой половинѣ XIX в. Мы полагали, что, при такой постановкѣ дѣла на чистоту, здравомыслящая часть социалистовъ на Западѣ не потеряетъ къ нему сочувствія, а въ то же самое время движеніе въ Россіи найдетъ себѣ дѣятельное сочувствіе и среди искреннихъ людей въ сѣхъ лѣвыхъ партій на Западѣ, особенно въ радикальныхъ партіяхъ Италіи, Англіи и Америки *).

*) Такъ какъ вопросъ этотъ не потерялъ своего значенія и теперь, то мы, при семъ случаѣ, попросимъ у благосклоннаго читателя не немножко терпѣнія для прочтенія настоящаго примѣчанія. Такой характеръ обращенія не только, такъ сказать, къ отъявленнымъ социалистамъ, но даже шире, чѣмъ ко всѣмъ лѣвымъ партіямъ, носятъ (если не считать прокламаціи Исп. К. во время ареста Гартмана, въ подлинности которой мы нѣсколько сомнѣваемся) прокламаціи Исп. Ком. «къ европейскому обществу» послѣ убійства Александра II и недавнее воззваніе къ сборамъ въ пользу «Общ. Кр. Кр. Н. Воли». Последнее могло бы производить особенно сильное впечатлѣніе, если бы дѣло не было испорчено неудачной формальною его постановкой, какъ заграничнаго явнаго отдѣленія россійскаго тайнаго общества!! Россійскіе инициаторы этого предпріятія, сдѣлавъ эту ошибку, конечно, главнымъ образомъ, по незнанію условій европейской жизни, но ихъ заграничные друзья обязаны были указать имъ эту ошибку, — и тогда упомянутое дѣло имѣло бы несомнѣнный успѣхъ, какъ денежный, такъ и значеніе крупной демонстраціи европ. общ. мнѣнія противъ русскаго абсолютизма. Конечно, заграничные друзья «Н. Воли» допустили вышеупомянутую ошибку не только по несообразительности, но и потому, что не вошли въ основу, совершенно новую для многихъ «русскихъ социальныхъ революціонеровъ» мысль «народовольцевъ» обращаться не къ одному только «официальному» кружку, социалистовъ-революціонеровъ, — но ко всѣмъ «друзьямъ свободы» и даже ко всѣмъ «людямъ сердца». Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было въ данномъ случаѣ, но очевидно, что въ послѣднее время, начиная съ парижскаго ареста Гартмана, «русскіе социалисты революціонеры», особенно «народовольцы» приближились на практикѣ къ такой точкѣ зрѣнія, которую мы изложили выше въ текстѣ. Но съ теоретической стороны эта точка зрѣнія,

Обращая вниманіе своего собесѣдника на то, въ какомъ направленіи могло бы идти желанное Ж—вымъ «склоненіе на сторону» революціонеровъ въ Россіи общественнаго мнѣнія въ З. Европѣ, мы указывали и на необходимость проверки, сообразно з. европейскимъ научнымъ идеямъ и соотвѣтственнымъ имъ привычкамъ общества, и многихъ теорій и дѣйствій, исходившихъ въ послѣднее время изъ среды русскихъ социальныхъ революціонеровъ и выдававшихся, по обыкновенію русскихъ кружковъ, за общепартійныя дѣйствія и теоріи. Такъ, мы считали необходимымъ старательно проверить съ точки зрѣнія европейскихъ научныхъ социально-политическихъ теорій, — которыя не могли не быть въ общихъ чертахъ вѣрны и въ Россіи, — многія заявленія и приемы т. н. «народничества», такіа дѣйствія, какъ, напр., самозванщина, и, наконецъ, обращали вниманіе нашего собесѣдника на то дурное впечатлѣніе, какое производятъ на общество въ Европѣ, — какъ и въ Россіи, — всякія «благочестивыя обманы» (piae fraudes), особенно кражи съ революционными цѣлями, да еще съ покушеніями на убійства (см. особенно кіевскіе процессы о покушеніяхъ на почты и полковые ящики). Мы полагали, что для Исп. Ком. настоятъ необходимость выдвинуть на болѣе видное мѣсто принципы своего дѣла и рѣшительно разорвать съ многими проявленіями эквилибристики и эмпиристики (конечно, съ благими цѣлями) «народничковъ» и слишкомъ уже «практическихъ» революціонеровъ *). Все это, полагали мы, Исп. Ком. могъ бы сдѣлать прямыми деклараціями къ обществу въ Россіи и за границей, безъ всякихъ посредниковъ, роль которыхъ свелась бы развѣ на обязанность помочь распространенію этихъ декларацій въ разныхъ странахъ.

Мы лично соглашались охотно принять на себя подобную обязанность; если же Ж—овъ и товарищи его хотѣли отъ насъ роли «комментатора», то, — говорили мы, —

затрагивающаго важный вопросъ о союзѣ между партіями, которыхъ не всѣ стремленія одинаковы, — встрѣчаетъ еще горячія возраженія. Мы не имѣемъ мѣста нисколько въ разборъ этихъ послѣднихъ, но пригласимъ читателя подумать самому надъ такими, напр., соображеніями: если осуществленіе идеала социализма требуетъ несомнѣнно самаго широкаго разлитія въ людяхъ привычекъ солидарности между собою, — то откуда возьмутся въ обществѣ эти привычки, если каждая партія, считающая себя болѣе прогрессивною, будетъ прежде всего рвать тѣ нити, которыя выработались уже между людьми предыдущей исторіей борьбы ихъ съ началами реакционными, — а не сохранять эти нити, конечно, вовсе не отказываясь отъ дальнѣйшаго движенія?

*) Нѣчто подобное сдѣлано въ деклараціи Исп. Ком. по поводу слуховъ о поступленіи въ его распоряженіе денегъ, украденныхъ въ Воспит. Домѣ, — по, къ сожалѣнію, во первыхъ, слишкомъ поздно и, во вторыхъ, все таки не достаточно категорично (см. о томъ нашу замѣтку въ 21 № «Вольнаго Слова»). Вообще, какъ этимъ заявленіемъ, такъ и другимъ по поводу смерти Гарфильда, посланіями къ Александру III и къ европ. общ. мнѣнію — Неполн. Ком. показалъ присутствіе здороваго чувства относительно настоящаго своего положенія и интересовъ своей группы, но все таки не обнаружила достаточно смѣлости радикально разорвать съ старой кружковой фразеологіей и тѣмъ, такъ сказать, хвостами «р. революціонной партіи», которые, только вредять ей и своимъ неумѣлымъ усердіемъ и своей «нигилистичею» болтовней.

мы могли бы только продолжать пачатую уже роль комментатора возможно объективнаго, т. е., свободнаго историка и критика какъ дѣйствій русскаго правительства, такъ и разныхъ группъ революціонеровъ въ Россіи. Быть же комментаторомъ субъективнымъ — мы отказывались тѣмъ болѣе, что, какъ можно было судить, по крайней мѣрѣ, по всему, что тогда и передъ тѣмъ печаталось и говорилось отъ имени русскихъ соц.-революціонеровъ и террористовъ (начиная отъ прокламаціи «Смерть за смерть» и оканчивая брошюрою г. Тарновскаго «Терроризмъ и рутинизмъ», написанною противъ нашего листка «Терроризмъ и свобода», и брошюрою Н. Морозова «Террористическая борьба», о которыхъ намъ довелось говорить въ послѣдующихъ бесѣдахъ нашихъ съ довѣреннымъ Ж—овомъ), — между мнѣніями русскихъ террористовъ и нашими (которыя мы выражали нѣсколько разъ съ 1878 г., начиная съ «Листка Громады») существовали крупныя различія. Въ противность названнаго листка и брошюрамъ, которые говорили отъ имени дѣловой партіи, мы находили, что русскій терроризмъ, т. е., собственно политическія убійства (т. е., нѣчто совершенно отличное даже, напр., отъ извѣстнаго терроризма французскаго), есть только реакція русской правительственной системѣ, — вполнѣ естественная, но все таки патологическая, какъ и система, его породившая, — реакція вполнѣ пятна: comprendre, c'est pardonner, по воле не нѣчто такое, что можно возводить въ теорію и систему, а еще менѣе — нѣчто такое, въ чемъ бы можно было видѣть извѣстный новый и универсальный способъ политической борьбы. Такой изглядъ свой мы считали не только болѣе вѣрнымъ теоретически, но и болѣе практичнымъ, по его вліянію на общество, которое прежде всего нужно приводить къ сознанію необходимости бити не по оглоблямъ, а по коню, т. е. по русскому правительству. Взглядъ же теоретиковъ и систематиковъ терроризма мы считали за вредный, какъ потому, что онъ, справедливо возмущая общественную совѣсть, наклонялъ ее въ пользу правительства, такъ и потому, что онъ создавалъ въ русскомъ обществѣ, и безъ того воспѣтавшемъ въ привычкахъ субъективнаго произвола, новые прецеденты крайне опасныя для будущей политической жизни и борьбы партій, такъ, наконецъ, и потому, что оправданіе произвола (а что въ основѣ террористическаго ученія лежитъ идея личнаго произвола, это мы считаемъ за аксіому) притягиваетъ къ партіи личности сомнительныя, которыя непременно окажутся вредными ей же, какъ болтливыя и нечестивыя хвосты, а то и просто, какъ предатели *).

Вотъ почему, при всемъ уваженіи къ энергіи и самоотверженію активныхъ русскихъ террористовъ, при всемъ убѣжденіи, что избранныя личности изъ нихъ,

*) Собственно, и теорія «священныхъ обмановъ» есть только видъ того же ученія, которое лежитъ въ основѣ террористической теоріи, т. е., ученія, которое ставитъ критеріумомъ дѣйствій личный произволъ.

согласно положению: «чистому все чистому», сгубляют пропестись над всеми опасностями террористических теорий*), мы, при всяком проявлении русского «террора», а особенно при попытке возвести его в теорию, — считаем необходимым, конечно, прежде всего нападать на русское правительство, но затѣм бороться также и съ возведением «террористической борьбы» въ принципъ.

Все это мы изложили, конечно, гораздо обстоятельнѣе нашему собесѣднику.

Къ нѣкоторому нашему удивленію, товарищъ Ж—ва обнаружилъ гораздо большую близость къ нашимъ идеямъ, нежели къ воззрѣніямъ названныхъ прокламаций и брошюръ террористовъ-теоретиковъ. (Наше удивленіе происходило, между прочимъ, оттого, что мы тогда не достаточно знали, что распространенная у руссіянъ манера говорить не отъ себя лично, а отъ цѣлой партіи—вовсе не означаетъ существованія дѣйствительныхъ на то полномочій. Послѣ мы имѣли случай наглядно убѣдиться, что не только личности, во всякомъ случаѣ почетенныя и съ заслугами въ своей партіи, какъ гг. Морозовъ и Тарновскій, но и всякій досужій можетъ, благодаря за пасу развязности въ однихъ руссіянахъ и пассивности въ другихъ, влѣзать на трибуны, то прокурорскія, то адвокатскія, и говорить какъ будто заправская «уполномоченная особа»). Особенно рѣшительно возстапалъ товарищъ Желябова противъ возведенія политическихъ убійствъ въ универсальное средство и приложенія ихъ въ странахъ, пользующихся нѣвѣстной политической свободой. Его слова, а также заявленія, какія намъ удалось слышать отъ нѣкоторыхъ другихъ испытанныхъ русскихъ революціонеровъ того же лагеря, — дали намъ право сдѣлать въ горячее время заявленіе въ такомъ родѣ въ брошюрѣ: «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale» (ст. 11, примѣчаніе **)). Что собесѣдникъ нашъ передалъ вѣрно мнѣнію своей группы, — это подтвердилось потомъ заявленіемъ «Н. Воли» по поводу смерти Гариньда. Но, почти соглашаясь съ нами въ принципахъ, товарищъ Желябова былъ другаго мнѣнія относительно практичности критическаго отношенія ко всемъ заявленіямъ и дѣйствіямъ русскихъ революціонеровъ; — критику онъ называлъ полемикой и находилъ ее во всякомъ случаѣ не своевременной, такъ какъ она-де ослабляетъ значеніе партіи и можетъ быть принята и ея сторонниками, и ея противниками за борьбу противъ партіи и даже противъ ея цѣлей. (Нельзя пропустить безъ вниманія, что какъ человѣкъ благовоспитанный и съ достоинствомъ и, въ добавокъ, какъ

человѣкъ, лично бывавшій въ огнѣ, собесѣдникъ нашъ не говорилъ ни слова о неумѣстности критики «въ виду свѣжихъ мучениковъ» и т. п.). Мы, конечно, отиѣчали на это, что надо имѣть больше довѣрія къ здравому смыслу общества (революціонеровъ и мирныхъ обывателей), который различитъ свободную критику отъ «бросанія грязью», — и что критика, если она хочетъ имѣть какое либо практическое значеніе, должна раздаваться именно «въ горячую минуту», а не тогда, когда событія станутъ достояніемъ «Русской Старины». Но все таки собесѣдникъ нашъ остался неубѣжденнымъ съ этой стороны.

Гораздо большія разногласія оказались у насъ по одному, чрезвычайно въ нашихъ глазахъ важному предмету, котораго мы должны были коснуться, обсуждая первый запросъ, обращенный къ намъ въ письмѣ Ж—бова: сказать наше мнѣніе о напечатанной программѣ его группы, — а также дойдя до предложеній: «принять участіе въ злобѣ дня родной страны» и сотрудничать въ «Н. Волю». Относительно участія въ злобѣ дня вообще, мы отвѣтили, что, принимая во вниманіе изреченія: «знай, сверчокъ, свой шестокъ» и «бѣда, коль пироги начнетъ печь сапожникъ» и проч., — мы, какъ литераторъ ремесломъ, и не можемъ принимать инаго участія въ злобахъ дня, кромѣ литературнаго, при чемъ направляемъ нашъ трудъ главнымъ образомъ именно на родную страну (Украину въ Россіи и Австро-Венгрію), не чуждаясь, конечно, и злобѣ дня одного изъ тѣхъ государствъ, въ которое пошла значительная часть этой страны*). Но тутъ то именно намъ и пришлось указать, что въ программѣ группы Желябова нѣтъ и помину о нашей родинѣ и ея народѣ (какъ и вообще о невеликорусскихъ краяхъ и народахъ Россіи), да и вообще вопросъ областной, федеративный слишкомъ затергъ, — а это, говорили мы, тѣмъ болѣе жаль, что безъ признанія федеративнаго начала не возможно не только основать дѣйствительную политическую свободу въ Россіи, но и вызвать въ ней какое нибудь широкое движеніе къ достиженію этой свободы. Вотъ объ этихъ вопросахъ мы съ радостью предлагали написать въ «Н. Волю». Собесѣдникъ нашъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, иныхъ мнѣній. Уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, упомянутый нами выше членъ «Земли и Воли», человѣкъ, котораго мы глубоко уважаемъ, откровенно сказалъ намъ въ подобномъ же разговорѣ (онъ тоже приглашалъ насъ писать въ «Землю и Волю»), что онъ «рѣшительно не понимаетъ цѣли поднятія вопроса о разнаціональномъ составѣ Россіи при вопросѣ о революціи въ ней, даже политической». Теперь членъ «Нар. Воли»,

нѣ видѣ крайней уступки намъ, — говорилъ: «можетъ быть, Вы и правы, но мы вовсе не такъ убѣждены въ конечной необходимости принципа федеративнаго въ томъ дѣлѣ (борьбы за политическую свободу), которому мы предались».

Таковы были и его послѣднія слова, сказанныя намъ передъ отъѣздомъ въ Россію, куда онъ, по обетованіямъ, не могъ взять нашего письма въ отвѣтъ Ж—бому, а взялъ передать наши отвѣты на словахъ. Какъ онъ передалъ ихъ и какъ они были встрѣчены, объ этомъ мы не узнали. Теперь мы знаемъ, что Ж—бому былъ слишкомъ занятъ «дѣломъ 1 Марта», чтобъ думать о другомъ. Мы узнали объ арестѣ Ж—бова и о 1 Марта почти въ одно время и посѣдѣли выполнить нѣкоторые изъ его просьбъ, какъ велѣла намъ наша совесть: рѣчь на женевскомъ международномъ собраніи 18 Марта 1881, поводъ къ которой дала намъ прислапанная на наше имя изъ Парижа для прочтенія на собраніи депеша отъ французскихъ анархистовъ къ «русскимъ нигилистамъ», а также брошюрой «Le Tyranicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale». Послѣднія не поправились многимъ социалистамъ-революціонерамъ, русскимъ и западнымъ, но къ крайнему нашему удовольствію и, какъ надѣемся, читатель повѣритъ намъ, вовсе не самолюбивому, — рѣчи Суханова, Исаева, (отчасти и самого Желябова) и письмо Исп. Ком. къ Александру III, оказались, по своимъ основнымъ идеямъ, не очень удаленными отъ того взгляда на значеніе террористическаго движенія въ Россіи, который высказанъ въ этой брошюрѣ. Мы твердо убѣждены, что такіе рѣчи, какъ Сухановскія, и такіе статьи для Запада, какъ статья кн. П. Крапоткина въ «Fortin. Review», гораздо болѣе послужатъ въ пользу политическаго переворота въ Россіи, чѣмъ прежніе опыты возведенія терроризма въ теорію, да еще универсальную.

Но возвратимся ближе къ письму Желябова. Въ началѣ его онъ упоминаетъ о двухъ нашихъ личностяхъ съ нимъ встрѣчахъ. О нихъ стоитъ сказать два слова. Первую встрѣчу мы только можемъ признать, что о ней говоритъ самъ Ж. Произошла она у нашего стараго знакомаго, когда то ревностнаго украинофила, а въ то время (въ 1873 г.) столь же ревностнаго «впередовца» (мы о немъ вспоминали на стр. 359—360 «Ист. Польша и Велик. Демократія»). Мы зашли къ нему отдать отчетъ въ исполненіи одной просьбы его и его сожителя. Оба хозяева приняли насъ въ первой комнатѣ, а въ другой сидѣли нѣсколько тѣхъ «нигилистовъ», о которыхъ говоритъ письмо Ж—ова, и среди которыхъ былъ, какъ оказывается, и его авторъ. Хозяева насъ съ «нигилистами» не познакомили. Разговоръ нашъ съ хозяевами мало по малу перешелъ на темы, на которыя мы сѣдили съ однимъ изъ нихъ нѣсколько разъ еще въ Цюрихѣ, — а именно: 1) не слѣдуетъ ли теперь въ Россіи добиваться прежде всего политической свободы и 2) могутъ ли что либо сдѣлать существеннаго на югѣ Россіи т. наз. тогда «радика-

*) Это теперь и подтверждается интересными подробностями біографій Желябова, Перовской, Гриневскаго и Кибальчича.

**) «Quant aux terroristes russes proprement dits, nous pouvons affirmer, de la manière la plus positive, que plusieurs d'entre eux sont d'avis que les assassinats politiques sont complètement superflus et inutiles dans les États où les citoyens jouissent de la liberté politique.

*) Мы много разъ встрѣчались у «русскихъ» съ такимъ отношеніемъ къ работамъ для Украины, по которому эти работы являлись вовсе не дѣломъ, а, если не фантазіей и прихотью, то во всякомъ случаѣ чѣмъ то второстепеннымъ, котораго можно и не замѣчать, если не прямо сожалѣть о немъ, какъ объ отклоненіи отъ «настоящаго дѣла». Не беремъ судить, на сколько въ любезномъ приглашеніи къ намъ Ж—ва «принять участіе въ злобѣ дня» отразилось это отношеніе.

лы», не заимствуя чего либо у т. наз. «украинофилов»? Мнѣнія наши, о которыхъ читатель, конечно, догадывается, основывались хозяевами квартиры. «Нигилисты» же, сидѣвшіе въ другой комнатѣ и по временамъ входившіе въ первую то за чаемъ, то за табакомъ, молчали, но, видимо, были не на сторонѣ «конституціоналиста» и «узкаго націоналиста». И молчали то «нигилисты», видимо, потому что считали лишнимъ даже опровергать «такую ерунду».

Другую встрѣчу съ Ж—ымъ, въ 1875 г., мы отлично помнимъ. Мы видѣлись нѣсколько разъ. Въ первый разъ мы увидѣли его на собраніи полугласнаго комитета, который занимался собираемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину (это было за годъ до оффиціознаго черплевскаго похода). Двое сербовъ, трое украинцевъ (одинъ австрійскій), одинъ полякъ (интересный человекъ, о которомъ тоже стоило бы рассказать, теперь умершій, Магеръ) и Желябовъ, уже притянутый къ процессу, — что послѣ былъ названъ 193-хъ, — но оставленный на волю, — вотъ каковъ былъ составъ этого комитета. И допустить былъ въ собраніе, какъ участникъ другаго подобнаго комитета (но совершенно негласнаго и сплошь украинскаго по составу, въ другомъ городѣ). Желябовъ былъ очень оживленъ и, по окончаніи дѣловой части засѣданія и по уходѣ двухъ лицъ, не такъ «своихъ», — началъ очень интересный разговоръ съ Магеромъ о холодности польской молодежи къ проявившемуся тогда въ Россіи социалистическому движению и объ изолированности ея (Объ этомъ см. въ біографіи Грипевецкаго, «На Родинѣ», Ж 1, стр. 46—47). Магеръ указывалъ на то, что для поляковъ слишкомъ важенъ національно-политическій вопросъ, чтобъ они могли, подобно русскимъ, отдаться чисто экономическому социалистическому направленію. — «Ну, такъ ставьте свой національно-политическій вопросъ!» — приставалъ Ж.— Да! легко сказать: ставьте! замѣтилъ я. Да, вѣдь для этого надо опредѣленно знать: что собственно такое польская нація? А вѣдь вы знаете, что на этомъ вопросѣ, главнымъ образомъ, и сѣздалось польское движеніе 1863 г. Вотъ теперь поляки чувствуютъ, что повторить старое движеніе нельзя, а въ то же время не имѣютъ отваги выйти на совѣтъ новыхъ дороги, отказавшись отъ Польши исторической и выступая только за Польшу этнографическую. Да и эту не освободите, стоя на точкѣ сепаратнической, на которой стояли въ 1863 г., а только при общемъ федеральномъ движеніи въ Россіи. А это опять слишкомъ новая для поляковъ точка».

Магеръ былъ слишкомъ хорошо знакомъ со своими соплеменниками, чтобъ спорить противъ этого, и слишкомъ былъ порядочный человекъ, чтобъ отдѣливаться фразами, а потому долженъ былъ частенько отмалчиваться, когда неугомонный Желябовъ, подхвативши нашу постановку вопроса, продолжалъ наступать на него, говоря, что надо же, наконецъ, рѣшиться на что нибудь и выйти на новые дороги, обязательно требуемые обстоятельствами. Украинцы присоединились къ Желябову. Магеръ скоро

ушелъ; — уходилъ онъ дружески пожалъ всеѣмъ руки и приговорилъ: «на все, господа, нужно время!»

— Вотъ они всегда такъ! съ злой усмѣшкой сказалъ Желябовъ, обращаясь къ намъ, — и мы должны были успокоивать его, доказывая, что и въ самомъ дѣлѣ: на все нужно время...

Отзывчивость Желябова на живой вопросъ, какимъ было въ 1875—76 г. герцеговинское возстаніе, въ противоположность отрицательному отношенію къ нему доктринеровъ русскаго «оффиціальнаго» социализма, и не разъ вспоминалъ послѣ, — и она вполне объясняетъ для меня тѣ «новшества», которыя говорилъ Ж—въ на Липецкомъ и Воронежскомъ сѣздахъ 1879 г., не боясь клички «конституціоналиста», которая была для «старыхъ нигилистовъ» 1873 г. ругательствомъ, чуть не равнымъ по силѣ «подлецу». Видѣвъ своими глазами эту способность Ж—ва къ «новшествамъ» и читая о ней примѣры въ его біографіи, мы невольно спрашиваемъ себя: что, если бы онъ остался живъ, — хватило ли бы у него отзывчивости и еретической смѣлости, чтобъ разорвать теперь и съ оффиціальной доктриной «единой и нераздѣльной» революціи въ Россіи, какъ онъ разорвалъ въ свое время съ доктриной «оффиціальнаго», незапятнаннаго «политикой» социализма?...

Изъ брошюръ о Желябовѣ и его товарищахъ выходитъ, что многіе изъ нихъ потому только обратились къ «централизаци», что видѣли въ ней синонимъ «дисциплины». «Централизаци» была, значитъ, — кромѣ всего прочаго, о чемъ мы не разъ говорили, — также и реакціей противъ той «анархіи», которую многіе россияне поняли совѣмъ не по Прудону, а очень уже по дворянски, въ смыслѣ свободы каждому барону практиковать свою фантазію, лишь бы она была болѣе или менѣе красиваго цвѣта. Но какъ будто Фредералъ измѣлъ, къ которому Прудонъ на практикѣ сводилъ свою анархію, исключаетъ дисциплину, а не есть наиболѣе удобная для людей форма организаціи, съ непремѣнною дисциплиною?!

М. Драгомановъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Статистика мелкихъ уголовныхъ преступленій и проступковъ служитъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики не только правовыхъ отношеній личности въ обществѣ, но также для проверки настроенія массъ въ данной мѣстности по отношенію къ властямъ и существующему порядку управленія. Такъ весьма поучительны статистическія данныя за прошлый 1881 годъ (первый годъ нынѣшняго царствованія) по петербургскому судебному мировому округу. Изъ отчета упомянутого сѣзда видно, что въ прошломъ году, въ 26-ти мировыхъ участкахъ округа, возникло 28.102 уголовныхъ дѣлъ, въ томъ числѣ только 6.991 по жалобамъ частныхъ лицъ, а остальные по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ административныхъ властей и по собственному усмотрѣнію мировыхъ судей (последней категоріи всего 72 дѣла). Подсудимыхъ было 31.323, въ томъ числѣ 27.827 мужчинъ и 6.496 женщинъ.

Подвергались преслѣдованію:

По оскорбленіямъ полицейскихъ и другихъ стражей, а также служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ 1.617 чел.

По проступкамъ противъ порядка управленія 3.108 »
По проступкамъ противъ благочинія, порядка и спокойствія 7.876 »
По проступкамъ противъ общественнаго благоустройства, народнаго здравія и личной безопасности 2.951 »
По нарушеніямъ устава о паспортахъ 3.891 »
По нарушеніямъ уставовъ казенныхъ управленій 361 »
По оскорбленіямъ чести, угрозамъ и насиліямъ 7.067*)»
По проступкамъ противъ правъ семейныхъ 81 »
По самовольнымъ пользованіямъ и поврежденіямъ чужаго имущества 153 »
По кражамъ, мошенничествамъ и обманамъ 6.395 »

Отсюда видно, что частный человекъ въ петербургскомъ обществѣ страдаетъ больше отъ обидъ и насилій надъ личностью, чѣмъ отъ нарушенія правъ имущественныхъ, что болѣе всего совершается уличныхъ безобразій, при чемъ достается не только обывателямъ, но и полицейскимъ, и всякимъ другимъ стражамъ, и что правонарушенія общественнаго характера и противоправительственнаго свойства вдвое превyšаютъ число насилій надъ личностью и оскорбленій чести гражданъ въ ихъ частной жизни. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что паспортная повинность на столько тягостна для населенія и такъ мало соответствуетъ условіямъ жизни передвижнаго рабочаго сословія, что вызываетъ уклоненія отъ нея даже въ Петербургѣ, гдѣ всякій, пѣзъ опасенія полицейскихъ преслѣдованій, старается, по возможности и прежде всего, выправить себѣ «видъ» и «очистить» его установленными платежами.

Памъ сообщаютъ, что пѣнія двухъ лицъ—одного на сѣверѣ, другаго на югѣ — секвестрованы по тому поводу, что дѣти ихъ причастны къ революціонному движению и, живя за границей, получаютъ средства изъ дому. Ни сколько не сомнѣваясь въ достовѣрности сообщенныхъ намъ фактовъ, мы рѣшительно становимся въ тупикъ передъ ненасытною правительствомъ въ дѣлѣ насилія надъ правами российскихъ подданныхъ. Право налагать секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ «въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія такими имуществами или доходами съ оныхъ достигается преступный цѣль», правительство дѣйствительно себѣ присвоило въ прошломъ году знаменитымъ «Положеніемъ, 14 августа, о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественного спокойствія»; по такое право тѣмъ же самымъ Положеніемъ установлено лишь для мѣстностей, объявленныхъ въ состояніи «чрезвычайной охраны» (ст. 26 п. г.), покуда же ни къ одной мѣстности имперіи не приложено «Положеніе чрезвычайной охраны»: оффиціально дѣйствуетъ, и при томъ не повсемѣстно, такъ называемая «усиленная охрана». Выходитъ, стало быть, что налагать секвестръ на имѣнія можно и помимо всякихъ даже исключительныхъ и при томъ только временныхъ «Положеній». Къ чему же тогда разыгрывать комедію законности? Кого обманывать?

Ходитъ слухъ, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой старается отдѣлаться отъ ответственности по «охранѣ», т. е. выдѣлить полицію изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ по на бѣду не находитъ охотниковъ стать во главѣ возобновляемаго подъ другою фирмою III-го отдѣленія. Покуда намѣли только товарища министра изъ жандармовъ, въ лицѣ генерала-майора Орджанскаго (начальника Варшавскаго жандармскаго округа), на мѣсто уволеннаго сенатора Готовцева. Иностранныя газеты уфрыляютъ, что въ концѣ концовъ царю для личной охраны придется самому вступить въ управленіе полиціей.

Берлинскія газеты сообщаютъ, что новый министръ готовитъ циркуляръ, запрещающій печати говорить объ еврейскомъ вопросѣ, о военномъ, о публичныхъ скандалахъ (?) и о покушеніяхъ противъ династии.

*) Больше 40 процентовъ (3127 чел.) оправдано.

Gondve. Imprimerie de la Parole libre, chemin Danes, 15